

Она аккуратно разложила на ковре идеально выглаженную белую рубашку и с каким-то болезненным обожанием протянула к ней руки.

Кончики пальцев скользнули от воротника к талии. В этой полумрачной, окутанной туманом двусмысленности, на лице Хэхуань расцвела глубокая, почти фанатичная улыбка.

— Ты такой красивый, — прошептала она.

Но вскоре, словно что-то вспомнив, она нахмурилась. Хэхуань глубоко вздохнула, её пальцы продолжали рассеянно блуждать по груди рубашки, не в силах оторваться. С ноткой грусти в голосе она произнесла:

— Влюблённый всегда страдает от равнодушия другого. Скажи, почему в этом мире так много людей, которые не видят, кто любит их больше всего? Некоторые снаружи кажутся безупречными, но на деле они даже не знают, что значит по-настоящему любить.

Казалось, её слова имели скрытый смысл. Ци Цзюньянь, прятаясь в дверях, молча слушал её, гадая, о ком она говорит.

— Почему же вы такие непонятливые?

Хэхуань издала долгий вздох, в уголках её глаз застыла меланхоличная дымка. Опустившись на колени, она наклонилась и уткнулась лицом в белую ткань.

Прямо в область сердца.

Ци Цзюньянь внезапно почувствовал, как его собственная грудь обожгло жаром — словно Хэхуань прижалась не к рубашке, а к его живому телу.

Поспешно отогнав эту странную мысль, он продолжил подглядывать. Хэхуань просидела так несколько минут, уткнувшись лицом в грудь рубашки, прежде чем медленно поднять голову.

С видом, будто ничего не произошло, она аккуратно сложила рубашку, бережно убрала её в ящик комода, вернула ящик на место и привела шкаф в прежний порядок. Только после этого, опираясь на дверцу, она поднялась на ноги.

Увидев её движения, Ци Цзюньянь понял, что она собирается уходить. Он поспешно отошел от двери, придал лицу выражение крайнего негодования и широким шагом вошел в спальню:

— Я даю тебе столько денег, чтобы ты тратила их на бриллианты? Разве ты не говорила, что пойдешь к врачу?

Её ничуть не смутило его появление. Она лишь на секунду замерла, а затем с самым невинным видом ответила:

— Цзюньянь, разве ты не слышал одну мудрость? Красивые украшения — это то, перед чем не устоит ни одна женщина. Когда настроение на высоте, это помогает лучше любого врача.

Ци Цзюньянь не хотел комментировать её софистику. Больше всего его сбивало с толку то, что он только что увидел — это полностью разрушило весь сценарий допроса, который он подготовил.

Женщина, которая якобы влюблена в его жениха, тайком пробирается в его комнату и совершает такие странные вещи с его личными вещами — это просто не укладывалось в голове.

К тому же, он вернулся сегодня раньше срока спонтанно. Не могло быть и речи о том, что Линь Ханьхань знала о его приезде и разыгрывала спектакль. Слова можно было сыграть, но рубашку она должна была заранее постирать и отгладить.

Эта женщина была невероятно загадочной.

Ци Цзюньянь хотел спросить, действительно ли она любит Гу Жунъяня, и если да, то почему ведет себя так с его одеждой, но всё же сдержался.

Пока он не докопается до истины, нельзя терять самообладания. Те, кто переходит ему дорогу, плохо кончают — даже если это его бывшая женщина.

— Мне не важны твои оправдания. Объяснись.

— Объясниться?

Хэхуань удивленно моргнула, но на её лице заиграла мягкая улыбка.

— Тогда позволь мне сделать тебе подарок.

Она быстрым шагом вышла в гостевую комнату и вернулась с чем-то в руках.

Ци Цзюньянь украдкой взглянул: похоже на плоскую подарочную коробку.

Сначала он подумал, что Линь Ханьхань, пытаясь унять его гнев, решила отдать ему тот розовый бриллиант, но коробка не походила на футляр для драгоценностей.

Пока он гадал, Хэхуань с улыбкой протянула ему подарок.

— Я подумала, сегодня годовщина нашего знакомства, мы должны это отпраздновать. Я приготовила ужин при свечах, ждала, когда ты вернешься.

Ци Цзюньянь почувствовал, что ситуация становится всё более странной.

Он слегка нахмурился, размышляя, какие козни строит эта женщина, и небрежно вскрыл коробку.

Взглянув внутрь, он чуть не выронил её от неожиданности.

— Что это значит?!

Жуткая гримаса на диске в коробке едва не напугала его до смерти.

Ци Цзюньянь с трудом удержал коробку, пытаясь сохранить холодную и отстраненную маску.

— У этого фильма отличные рейтинги, — Хэхуань оставалась такой же нежной, в её глазах светилось счастье. — Вечером, когда погасим свет, зажжем свечи, я купила вино — посидим, посмотрим, будет так здорово.

Ци Цзюньянь подумал: что тут хорошего? Зажигать свечи и смотреть ужастики — это что, попытка укоротить себе жизнь?

Но прежде чем он успел что-то сказать, Хэхуань обеспокоенно подалась вперед:

— Цзюньянь, ты что, боишься призраков?

Ци Цзюньянь осекся.

Хэхуань продолжила:

— На самом деле фильм совсем не страшный, правда. Я читала отзывы, говорят, это комедийный ужастик. Как раз для нашей годовщины, идеально подходит под наше положение.

Ци Цзюньянь долго молчал с ледяным выражением лица, а затем отрывисто бросил:

— Кто собирается ужинать с тобой при свечах?

У этой женщины совсем нет стыда? Сначала соблазняет его невесту, а теперь хочет ужинать с ним при свечах? Она что, решила убить двух зайцев одним выстрелом?

Хэхуань, казалось, была обескуражена его словами, поэтому лишь беспомощно произнесла:

— Ладно, ладно. Не переживай, я никому не скажу, что ты боишься призраков.

— Кто боится призраков!?

Ци Цзюньяннь всегда держался подальше от подобной мистики, но об этом мало кто знал. Никто бы и не подумал, что безжалостный в бизнесе глава корпорации Ци может чего-то бояться.

— Тогда почему ты не хочешь ужинать со мной при свечах? Это же годовщина нашего года любви.

Ци Цзюньяннь уже хотел было возразить, что не боится призраков, но, услышав вторую часть фразы, приподнял бровь:

— Погоди, какой год любви? Мы знакомы-то всего несколько месяцев, не так ли?

— Правда? — Хэхуань моргнула, ничуть не смутившись. — Наверное, я перепутала. Но и за несколько месяцев можно отпраздновать годовщину. Не бойся, если станет страшно, можешь прислониться к моему плечу. Я видела в фильмах, что так всегда делают. Я тебя защищу.

Ци Цзюньяннь почувствовал себя ещё более подавленным, но потом подумал: он ведь мужчина, неужели он хуже этой женщины? Скорее всего, Линь Ханьхань хочет выставить его на посмеище. Он решил сыграть по её правилам и посмотреть, кто из них испугается первым. Он не верил, что эта слабая женщина, которая и тяжелее ручки ничего не поднимала, способна на большее — возможно, всё это лишь игра на публику.

Приняв решение, Ци Цзюньяннь сохранил невозмутимость и, слегка кивнув, бесстрастно ответил:

— Раз ты так хочешь посмотреть — смотри.

— Отлично, ты такой хороший босс!

Хэхуань просияла, снова подалась вперед и чмокнула его в щеку, после чего радостно отправилась накрывать на стол.

До темноты оставался ещё час.

На самом деле Хэхуань не собиралась смеяться над ним — она просто подумала, что если ему

станет страшно, он может прижаться к ней, и она воспользуется моментом, чтобы наладить отношения.

Хотя система Шисань Цюэ требовала лишь повышения симпатии соперников, Хэхуань хотела сохранить хотя бы подобие чистоты в отношениях с красивым парнем.

Её жизненная философия была проста: красиво, очень красиво, ещё красивее.

Путь к выполнению задания был долог, и если она не сможет крутить романы с симпатичными парнями, она просто умрет от скуки.

Хэхуань быстро приготовила всё необходимое: свечи, красное вино и пакет гречневых хлебцев.

— Погоди, что это?

Ци Цзюньянь указал на огромный пакет хлеба, и у него возникло дурное предчувствие.

— Наш ужин, — Хэхуань нежно открыла пакет, достала тарелку, положила на неё три куска хлеба и поставила перед ним. — Цзюньянь, важно следить за фигурой. Ты в последнее время много ешь, так что вечером давай обойдемся без жирного.

У Ци Цзюньяня дернулся уголок рта, ему стоило огромных усилий сохранять спокойствие.

— Я много ем?

— Угу.

Хэхуань опустила глаза, её улыбка исчезла. Она обеспокоенно подошла к нему, опустилась на корточки и, прежде чем он успел среагировать, приподняла край его рубашки и положила ладонь на живот.

Она только что мыла руки холодной водой, и её кожа была ледяной. Хотя на улице была не зима, от этого прикосновения Ци Цзюньянь невольно вздрогнул.

Он отшатнулся и быстро оттолкнул её руку.

— Линь Ханьхань, ты с ума сошла?

Хэхуань по-прежнему смотрела на него с нескрываемой тревогой, в её глазах читалась такая глубокая печаль, будто он был при смерти.

— Цзюньян, раньше у тебя были восемь кубиков пресса, — она закусила губу и горестно добавила: — Теперь осталось только шесть, и двое из них тоже начинают исчезать. Если ты потеряешь пресс, я...

Представив себе ужасное будущее, она всхлипнула и, закрыв лицо руками, тихо заплакала:

— Как же мне теперь жить?

Красивый парень с пивным животиком — это было крушением всех её мечтаний. Если Ци Цзюньян превратится в такое, Хэуань предпочла бы просто прикончить его.

У Ци Цзюньяна дернулся глаз. Волны ярости одна за другой захлестывали его. Потребовалось двенадцать баллов самообладания, чтобы не сорваться окончательно. Он уже не хотел продолжать свой план, сквозь зубы процедив:

— Линь Ханьхань, вон... отсюда!

— Не надо так, — Хэуань обиженно закусила губу, потянув его за край рубашки. — Я же забочусь о тебе.

Хэуань: Я забочусь о тебе. Босс без пресса — как сахарный тростник без сладости: и есть не хочется, и выкинуть жалко. Боюсь, не сдержусь и прикончу тебя.

Ци Цзюньян: ...Ха-ха.

Хэуань: Посмотришь ещё несколько ужастиков, закалишь характер. Обещаю, я сделаю из тебя лучшего босса в мире.

Ци Цзюньян: Я тебе верю, как же!

Ци Цзюньян закрыл глаза, его голос стал холодным:

— Ты. Бери свой ужин и вон отсюда.

Под ужином он имел в виду те самые гречневые хлебцы.

Хэуань со вздохом убрала хлеб и привычно достала телефон, чтобы позвонить в ресторан Цзюйши.

— Алло... Да, да, верно... Угу, я предупрежу охрану. Хорошо, спасибо.

Закончив разговор, Хэхуань выглядела совершенно подавленной.

Она сжала телефон и с видом человека, потерявшего смысл жизни, сказала Ци Цзюньяню:

— Теперь доволен?

Ци Цзюньянь холодно смотрел на неё, ничего не ответив.

Хэхуань прижала руки к груди, с болью в голосе произнесла:

— Я ведь правда забочусь о тебе, Цзюньянь. Разве ты не знаешь, как сильно я тебя люблю?

— Любишь ты меня или Гу Жунъяня — ты знаешь сама.

Ци Цзюньянь пожалел об этих словах, как только они сорвались с губ.

Он сболтнул лишнее. Теперь Линь Ханьхань поймет, чем была вызвана его холодность в последние дни, а это невыгодно для его планов. Если она решит уйти, ему придется приложить гораздо больше усилий, чтобы отомстить.

Но слова были сказаны, и исправить их было сложно.

Однако Хэхуань не выглядела удивленной. Она лишь спокойно улыбнулась:

— С чего ты взял? Конечно, я люблю тебя.

Тон, с которым она это сказала, ничем не отличался от того, как она выражала симпатию к любой вещи. Ци Цзюньянь не уловил ни малейшего эмоционального всплеска, эта нежность казалась привычной и обыденной.

Он даже начал сомневаться.

Любит ли Линь Ханьхань Гу Жунъяня на самом деле?

Можно ли назвать такой спокойный настрой любовью? Или она так искусно скрывает свои чувства, что даже он не видит ни малейшего отклонения?

Когда он впервые встретил Линь Ханьхань, она показалась ему мягкой и послушной, её лицо вызывало легкую симпатию, но сама она напоминала чистый лист бумаги — слишком чистый, почти пресный. Такая женщина не могла привлечь его.

Но теперь он понял, что совсем не понимает её.

В спокойном состоянии она напоминала нежную водяную лилию, но стоило ей заговорить, как её мягкие слова начинали жалить. В её глазах не было ни его, ни Гу Жунъяня, никого.

Эта Линь Ханьхань не была той, которую он знал.

— Цзюньян, что с тобой?

Хэхуань обеспокоенно подалась к нему, помахала рукой перед его лицом и, закусив губу, затараторила:

— Ну не хочешь есть — не надо, только не сходи с ума. Я уже заказала еду из Цзюйши, не будем мы есть этот хлеб.

Мысли Ци Цзюньяня были прерваны её словами.

Он нажал на пульсирующий висок и холодно спросил:

— Кого ты назвала сумасшедшим?

— Меня, меня, меня! Доволен?

Хэхуань обиженно взглянула на него и вздохнула:

— Как же тяжело я живу.

Почему воспитать идеального босса так сложно?

Хэхуань потеряла виски, подумывая, не купить ли завтра слабительное.

Если заставить Ци Цзюньяня не есть жирное не получится, то пусть хотя бы ест и худеет. Она не верила, что при таком раскладе он продолжит толстеть.

Решив так, она отбросила эти мысли. Ци Цзюньян не стал больше выгонять её, и она сделала вид, что ничего не слышала. Она расставила свечи — не на обеденном столе, а на журнальном

столике перед диваном, так как напротив был телевизор, на котором она собиралась включить диск.

Она разлила вино и, дождавшись доставки из Цзюйши, быстро разложила блюда и нежно позвала Ци Цзюньняня ужинать.

Тот выглядел отстраненно, но если присмотреться, в глубине его глаз можно было заметить легкую панику.

Как босс, который боится призраков, он всей душой противился ужину под фильм ужасов. Но как мужчина, которого «кинула» девушка в пользу его невесты, он ни в коем случае не мог показать страх перед Линь Ханьхань. Это было делом его мужской чести.

Хэхуань быстро погасила свет и зажгла свечи. Мягкий желтоватый свет отражался в красном вине, создавая интимную и загадочную атмосферу.

Казалось, всё было идеально — такой ужин действительно мог разжечь искру.

Если бы не то, что последовало дальше.

Хэхуань, довольная собой, наблюдала, как Ци Цзюньнянь скованно опускается на диван, и вставила диск с фильмом в проигрыватель.

Телевизор в гостиной был огромным, с диагональю экрана более метра — смотреть кино на таком было одно удовольствие.

Но когда речь заходила об ужасниках, ощущения менялись.

Становилось по-настоящему страшно.

По крайней мере, для Ци Цзюньняня.

С того момента, как начался фильм, он весь напрягся, не мигая глядя на экран. Даже если он хотел отвести взгляд, мужское достоинство заставляло его смотреть, не шелохнувшись.

Фильм, который купила Хэхуань, был не просто ужасником, а мистическим триллером. Многие сцены выходили за рамки дешевых пугалок, постепенно погружая зрителя в состояние психологического ужаса, из которого невозможно выбраться. Конечно, как и в любом классическом фильме ужасов, пугающих моментов хватало.

Столик был заставлен блюдами из Цзюйши, но Ци Цзюньнянь сжимал палочки так сильно, что

побелели костяшки, не притронувшись к еде.

Цзюйши был элитным рестораном, обслуживающим только VIP-клиентов, таких как Ци Цзюньянь. Обычно ему нравилась их еда, но сегодня у него не было аппетита.

Желудок был пуст, но психологически он не хотел ничего.

Мужская гордость и животный страх боролись в его сознании.

Он уже пожалел, что согласился смотреть этот чертов фильм. После него он точно не сможет спать спокойно.

Сидя на диване, он чувствовал, как по спине бежит холодок. В мерцании свечей на экране появилась жуткая сцена.

В гнетущей атмосфере, созданной длинными кадрами, перед его глазами внезапно возникло призрачное лицо. Пустые глазницы, казалось, смотрели прямо на него, а по щекам струилась кровь.

Ци Цзюньянь сидел неподвижно, глядя на призрака, когда внезапно почувствовал, как кто-то слегка коснулся его бедра.

— А-а!

Палочки, которые он сжимал в руках, полетели в сторону, и Ци Цзюньянь с криком вжался в щель между спинкой дивана и сиденьем, на лбу выступил холодный пот.

Хэуань, чья рука всё ещё покоилась на его бедре, озадаченно смотрела на его затылок и невинно спросила:

— Так страшно, да?

Она взглянула на огромную рожу на экране, чувствуя полное спокойствие, и даже хотела выругаться: «Черт, какая уродливая».

Но, несмотря на мысли, Хэуань очень дорожила своим «боссом». В этом мире он был единственным мужчиной, на которого было приятно смотреть, а редкие вещи нужно беречь.

Откашлявшись, она нежно позвала его:

— Цзюньянь, что с тобой?

Ци Цзюньян, очевидно, пришел в себя и понял, какой позор совершил. Он замер, уткнувшись лицом в подушку дивана. Прошло немало времени, прежде чем он снова появился, восстановив прежнюю позу. Лицо его снова стало абсолютно бесстрастным.

<http://bllate.org/book/21622/2230474>